

ДОКАЗУЕМОЕ БУДУЩЕЕ

Кобо Абэ. Четвертый ледниковый период. Перевод с японского С. Бережкова. Библиотека современной фантастики, т. 2. Москва, «Молодая гвардия», 1965.

Есть самое интересное будущее — ближайшее, так сказать, доказуемое. То самое, которое просматривается и прощупывается в настоящем. В котором действуют разумные люди, а не мыслящие кристаллы или толковые косинусы.

Кобо Абэ знает это. Его герои — японцы шестидесятых годов. В будущем они проваливаются, как в песчаную яму, — ненароком, во время рассеянных прогулок по настоящему. Именно проваливаются, а не взлетают. Кобо Абэ думает о будущем плохо, смотрит на него с ужасом.

Книги Кобо Абэ, в сущности, — картины современной жизни, в ее непосредственном, доказуемом продолжении.

Те же люди — Хомо Сапиенсы, а не Хомо Ультрасапиенсы. Тот же образ действия. Время и место действия несколько сдвинуты, но так, что из сегодняшнего дня к ним тянутся зримые мостки, что их можно рассмотреть простым глазом. Те же, в общем, проблемы, особенно главная: крайние формы подавления человека классовым обществом.

Лет тридцать назад эти формы назывались нацизмом, фашизмом, японским милитаризмом. У них были емкие символы — например, лаборатория, где-нибудь в Освенциме, в которой ставились опыты на людях, где моральные нелюди доводили людей до физической потери человеческого.

Кобо Абэ всматривается в фашизм девяностых годов двадцатого столетия (или двадцатых годов двадцать первого). Он ищет символы фашизма будущего. Лаборатория, где человека приучают к нечеловеческому образу жизни в глубинах моря, не так уж далеко ушла от лаборатории, где людей испытывали при невыносимых для них температурах.

Книги Кобо Абэ — картины жизни, и он справедливо называет их повестями и романами, а не волшебными сказками, потому что волшебная сказка есть картина не жизни, а сна.

В книгах Кобо Абэ много политики. Но и в японской действительности много политики. Впервые в новой истории этой страны субъектом политики стали широкие массы. Впервые думают, действуют и многое решают миллионы японцев.

В книгах Кобо Абэ много от детектива. Но Япония — страна хорошо организованной преступности обетованная земля картелей и синдикатов гангстеров.

Много техники. Но темп технической революции в Японии выше, чем где-нибудь в капиталистическом мире.

Много экзотики, но двадцатый век в Японии действует на земле, насквозь проросшей феодализмом. Не будем забывать, что новая история этой страны насчитывает едва сотню лет.

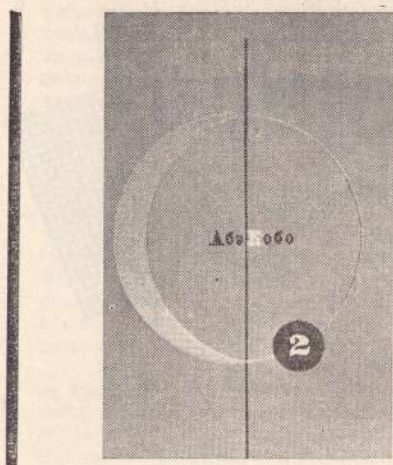
В книгах Кобо Абэ много печали. Но японцы — единственный народ в мире, испытавший тяжелое военное поражение в форме атомной бомбардировки и поныне зависящий от страны, пославшей на их города атомные бомбардировщики.

Итак, странное, удивительное, фантастическое у Кобо Абэ доказуемо, объяснимо, может быть, потому, что его образовательная подготовка — медицинская, а эта профессия не располагает к беспочвенному мистицизму, может быть, потому, что его работе в фантастике предшествовали годы работы в реалистической прозе.

Как бы то ни было, фантастика нашего автора — не волшебная.

Однако перейдем к рассмотрению повести «Четвертый ледниковый период». Ее двести страниц очень емки. Там есть и техника, и детектив, и экзотика. Скажу несколько слов только с политической стороны повести, о «Четвертом ледниковом периоде» как социальной фантастике.

«Толстые пласты ноздреватого ила на пятикилометровой глубине, неподвижные и мертвые, косматые, словно шкура допотоп-

ного зверя, вдруг вспучились, поднялись и сейчас же распались, обращаясь в кипящие темные тучи, гася бесчисленные звездочки планктона, ровнившиеся в прозрачном мраке.

Обнажилось изрезанное трещинами скальное основание подводной равнины. Из трещин, выбрасывая обильную пену, полезла вязкая, светящаяся бурым блеском масса и протянула на несколько километров скрюченные, как корни старой сосны, отростки. Продуктов извержения становилось все больше, исчезло темное сияние магмы, и уже только исполинский столб пара, бешено крутясь и разбухая, беззвучно и стремительно поднимался сквозь тучи взбаломученного ила».

Так начинается повесть. Под действием тектонических причин уровень мирового океана быстро повышается. В течение немногих десятилетий море заливает большую часть суши.

Кобо Абэ кратко указывает, что Советский Союз нашел гуманные пути приспособления своего населения к новой геологической эпохе. Гуманные в буквальном смысле, то есть с сохранением человека как биологического вида и с сохранением общества как коллектива людей.

Какие именно пути — Кобо Абэ не пишет. Его интересует приспособление к мировой катастрофе капитализма, причем капитализма в японской форме, то есть строя, в котором он рос и вырос.

Надо сказать, что катастрофа, по условиям предложенной японским автором задачи, не неожиданна не мгновенна. Ее заблаговременно предсказали мыслящие машины. Она длится десятилетия. Речь идет не о мгновенной (а потому, возможно, и случайной) реакции, а о многолетней, продуманной и тщательно осуществленной акции, о всемирно-исторической проверке степени пригодности капитализма для решения задачи спасения рода человеческого.

Капитализм, по Кобо Абэ, молчаливо отвергает предложенный Советским Союзом план совместных действий и находит свое решение. Оно состоит в насильственном и

коварном разрушении человеческого в человеке, в принудительном преобразовании человека в новый биологический вид — подводного человека с жабрами вместо легких, способного жить и работать в глубинах океана.

Денежные короли создают расу рабов, которая должна обеспечить их жизнь и их власть на немногих уцелевших горных островах.

Кобо Абэ не строит исторических аналогий. Но как не вспомнить хотя бы веймарскую Германию, где буржуа перед лицом надвинувшихся на них военного поражения, Версаля и народного гнева произвели свой политико-биологический эксперимент, попытались вывести расу «подводных людей», пусть без жабр, но столь же далеких от «человека разумного» и особенно от «человека совестливого»!

Наверно, Тиссену или Флику казалось, что надвигающиеся на них кризис и революция не менее страшны, чем геологическая катастрофа.

Книга Кобо Абэ кончается тем, что подводные люди подчиняют себе своих наземных изобретателей и хозяев.

Это также имеет преобраз в той же истории фашистской Германии, в ее заключительной главе.

Капитализм, по Кобо Абэ, не выдерживает всемирно-исторического испытания, испытания будущим, испытания катастрофой. Он проваливается. Сначала морально, обдуманно предав свой биологический вид, человечество. Потом физически — не осуществив поставленной задачи самосохранения, погибнув под ударами своего же Голема.

Кобо Абэ разграничивает четко, хотя и излишне лаконично. Его пессимизм не всеобщий. Гибнет не человечество, а его капиталистический сегмент. Не выдерживает испытания катастрофой не род людской, а та его часть, которая возглавлена финансовыми королями.

Карел Чапек, исходя из того же самого исторического прототипа, создал свою «Войну с саламандрами». Кобо Абэ добрее к мыслящим существам, чем Чапек. Его подводные люди человечнее саламандр, а созданная ими цивилизация вызывает меньше иронии и больше симпатии.

Хочется сказать о некоторых особых чертах социальной утопии японского писателя.

1. Либерализм — так он обозначает и действующий в Японии политический строй, и его идеологию — слаб, жалок, призрачен. Хозяева страны — тресты действуют с минимальной оглядкой на государство. Их преступления цинично открытвенны. Интересно, что религия, которая почти в любой европейской стране сыграла бы немалую роль в столь апокалиптических обстоятельствах, у Кобо Абэ в Японии «Четвертого ледникового периода» не действует, не осмысляет, кажется, даже не упоминается. Когда герои повести рассуждают о моральности происходящего, они зывают не к богу, а к будущему.

2. У японского автора нет присущего фантастам иных стран смакования сыто-

сти, довольства, технического сервиса. И это несмотря на то, что действие происходит по крайней мере «двадцать лет спустя» или «тридцать лет спустя» наше время. Сужу хотя бы по уровню мыслящих машин.

Мизерабельность, материальное небогатство, присущие нынешней Японии, сопутствуют, по Кобо Абэ, и Японии ближайшего будущего.

3. Странная вежливость, изысканная почтительность его к избивающим и избиваемым, между убийцами и жертвой, растянута церемониала, столь непривычные для европейской литературы, пронизывают повесть.

Кобо Абэ предложил свои условия задачи. И сам решает ее — исходя из этих условий — логично.

Человечество погибнет, если налицо соотношение сил, описанное Кобо Абэ, то есть всемогущие тресты против одного кабинетного ученого-идеалиста, целый мир картелей против человека, вычлененного из общественных связей, не говоря уже о политических, — против человека, у которого нет ни одного личного друга.

Однако правильны ли условия задачи?

Сводится ли политика сегодняшней Японии к слепому и бессильному либерализму официальной государственности?

На самом деле трестам противостоит не чахлый либерализм, а японский народ, в котором живы организованные революционные силы.

Этот фактор Кобо Абэ попросту снимает с доски. Посылки писателя неполны, а следовательно — неверны.

Где-то в конце прошлого века, где-то между Уильямом Моррисом и Гербертом Уэллсом, фантасты погрузились. Их оптимизм сменился пессимизмом. Картины золотого века — картиной «железной пяты».

Победа империализма заставила усомниться в надежности прогресса человечества. Морлоки и элон Уэллса оказались фантастам куда более реальной перспективой, чем счастливые сны Кабэ.

Однако в 1917, в 1945 и во многие другие годы нашего столетия произошли события, которые не могут не учитываться авторами, серьезно думающими о перспективах человечества.

БОРИС СЛУЦКИЙ

РАЗУМ ОДЕРЖИТ ВЕРХ

Maciej Kuczyński. *Babcia-robot przy Kominku*. Katowice, Wydawnictwo "Śląsk", 1963.

3 а последнее десятилетие ценители научной фантастики (а число их у нас с каждым годом все возрастает) узнали и полюбили книги талантливого

польского фантаста Станислава Лема, который сделался у нас, пожалуй, более популярным и известен, чем у себя на родине.

Совсем недавно появился в русском переводе сборник фантастических рассказов молодого писателя Конрада Фиалковского, «Пятое измерение», продолжающего лемовские традиции в современной польской литературе.

А вот книга еще одного польского автора, работающего в этом жанре, — томик фантастических новелл Мацея Кучинского «Бабушка-робот у камина», вышедший не так давно в Польше. Надо думать, что советский читатель с интересом прочел бы некоторые из его рассказов.

Свою фантастику Кучинский вовсе не стремится солидно оснастить с научной стороны. Он разочарует и тех, кто в фантастическом повествовании жаждет найти глубокую психологическую обрисовку характеров, добротную бытописательскую основу.

Рассказы Кучинского — это легкие наброски пером. Герои, ситуации только намечены, прорисованы неокончательно. Кажется, что вся картина еще пребывает в движении. Автор словно бы сам не уверен, что все должно произойти именно так, а не иначе. Тем не менее самый фантастический вариант он готов принять на какой-то момент в качестве своего рода «рабочей гипотезы», как бы втягивая и читателя в игру своего беспокойного воображения.

Перед нами рассказ, давший заглавие сборнику, — «Бабушка-робот у камина»: та же традиционная бабушка, только бабушка-робот, которая рассказывает внучатам-роботам сказочку... Когда-то некий правитель, «одержимый светлыми идеями», желая осчастливить человечество, решил довести мир до абсолютного совершенства. С помощью миллионных армий роботов он создал гигантский сверхмощный электронный мозг, извилины которого прости-

СРЕДИ КНИГ